

Осенью 22-го я прибыл в Донецк без предварительных планов и обратной даты. Мной двигало желание, как бы пафосно ни звучало, быть максимально полезным своей стране. Начало полномасштабной войны не удивило, но, конечно, было принято с горечью. Такое развитие событий с десятков лет предсказывалось всеми, кто следил за ситуацией, но всё же теплилась почти религиозная надежда на «хитрый план» или что-то иное, столь же чудесное. Однако, помимо сдачи всех русских интересов, иных чудес не помню. Война тоже началась так, что каждый человек, искренне любящий Россию, не избежал отчаяния. Во многом моё желание быть участником событий продиктовано именно этим. Делать, что считаешь важным и нужным, не оглядываясь и не возлагая надежд на неловкие действия государства.

Донецк встретил мягким шорохом листвы и глухим уханьем артиллерии. Основная часть горожан даже не поворачивает головы к разрывам, демонстрируя тотальный фатализм. Едут в автобусах, совершают покупки, гуляют в скверах. Чувствуется некоторое опустение – многочисленные вывески «сдаётся» в витринах, небольшое количество автомобилей. Но людей много, в том числе в камуфляже, гостиницы в дефиците, чувствуется напряжённая суета. В целом – красивый, ухоженный, сильный город, достойный символа стойкости, каковым и является. Прилёты ежедневно, в том числе совсем рядом. «Во, как раз успею проскочить, – удовлетворённо констатирует таксист, высаживая меня на адрес. – В этот район с девяти начинают класть».

Несколько дней прошло в поисках собственного применения. Хороший человек и большой поэт Анна Долгарева назвала мне «того, кто точно занимается делом» – Юрий Мезинов. Написав, тут же получил

звонок: «Когда можешь приехать в Луганск?» – «А когда надо?» – «Прямо сейчас». Так я стал членом движения «Неравнодушные», они же – фонд «Добрый ангел», они же с некоторых пор – «Штаб Захара Прилепина». Юра, ополченец с 2014-го, один из создателей и глава всех вышеупомянутых организаций в ЛНР, мощная и значимая фигура не только в волонтерском движении. О нём можно и стоит говорить отдельно, но на большем количестве страниц.

Лагерь располагался в большой станице южнее Северодонецка, ближайшем месте к фронту, где есть электричество и мобильная связь. Бывший хлебозавод, приспособленный под склад и жильё, стал мне домом. Так получилось, что вскоре после прибытия ребята доверили мне быть начальником лагеря, Юра не возражал. Города Лисичанск, Северодонецк, Горское, Золотое, Рубежное, Кременная, Сватово и окружающие их населённые пункты стали моей зоной ответственности. Товары прибывали беспрестанно. Недостатка в волонтерах тоже нет – ссылки на странице Захара Прилепина достаточно, чтоб возникла очередь желающих. С тихой радостью обнаружил, что все прибывающие грузы и даже транспорт – жертвования неравнодушных граждан и предпринимателей. Никакого государства – настоящая, в прямом смысле, помощь народа. Лидируют в жертвовании ближайшие к войне города. Маленький Таганрог шлёт столько же, сколько миллионный Ростов, Краснодар и Воронеж чуть меньше, далее уже Москва и остальные регионы равномерно, география до самых восточных окраин. Думаю, дело тут в вовлечённости – личные связи, близость, осведомлённость. В целом чувствуется неравнодушие народа – много вязанного и шитого лично, с письмами, сладостями и нежностью. Бывает, вскрыв очередной чёрный пакет, видишь заботливо уложенные детские ботиночки с запиской, невольно подкатывают слёзы. Вокруг – тотальный апокалипсис, нет привычных бытовых условий, руины городов. У меня самого дети, трудно представить, как можно выпестовать тут младенца.

Поразила интенсивность войны. Не ожидал. Мы уже привыкли к мысли, что современная война должна быть похожа на фехтование – высокоточное оружие, стремительные группы спецназа. Оказалось, настоящая война – огненный каток, стирающий всё на своём пути. Северодонецк пострадал ничуть не меньше возведённого в образец жертвы Мариуполя, город-призрак, болезненно оживающий на короткий световой день. Но то, что видишь на месте Тошковки, Камышевахи, Попасной, в промке Рубежного и Северодонецка, превышает даже воображаемый Сталинград. Обугленные черешки деревьев, бетонная пыль городов. Чёрная оспа в полях, искорёженная сталь. Лохматая овчарка у переправы жмурит глаза, уклоняясь от игривой грызни своих крепких, похожих на медвежат, щенков. «Интересно, сколько им месяцев?» – невольно спрашивает вслух сидящий за рулём Женя. Ответ очевиден, и мы оба думаем об одном. Да, вскормлены человечинной. Здесь это не домыслы. Кое-где в воронках ещё виднеются куски рваного тряпья, на которых, скорее по привычке, сидят группами птицы, катая обклеванную кость. Сиротски оцетинилось деревянными крестами новое гражданское кладбище. По именам и вповалку. У шоссе коммунальщики не спеша вскрывают очередную насыпь. Снова массовое захоронение.

Города – без воды, отопления, газа и электричества, полны оставленных стариков, инвалидов, бездомных. Государство дотягивается не до всех. Ездят водовозки, с тентованных грузовиков раздают крупы и макароны, но не все могут выйти к этой помощи, донести воду до кварти-

ры или вообще, не обладают жильём и очагом. Частное волонтерство, как лекарство, проливаемое в застопоренный механизм, само находит проблемные места, заполняет и излечивает их. Лежачие больные, сироты, люди без документов, жители удалённых и уничтоженных посёлков – все они не могут получить помощь или не знают о ней. Адресная помощь – именно то, в чём сейчас нуждается прифронтовой Донбасс. Мы добыли списки лежачих больных, составленные до войны, отправились по адресам. Стандартный набор – продуктовый пакет, самые популярные лекарства, взрослые памперсы, вода. Далее соседи и просто случайные люди дополняли списки. Многие нуждаются в постоянном уходе, сейчас среди нас постоянно действует и врач. Лишь пятая часть немощных из списка отсутствуют, большинство, хоть и не по своему адресу, остались на месте. Люди, конечно, до последнего не хотят покидать родные места. Мол, куда мы поедём? Даже когда взрослые дети в Орле или Днепропетровске, говорят – я вся тут, вот мой дом, ничего больше моего в целом мире нет, лучше здесь и умру. У многих с началом войны дети бежали на Украину или в Польшу, отношения прерваны, но не из-за отсутствия связи. Они «сепары» для своих детей.

Нельзя сказать, что оставшиеся только ждут и терпят. Многие активны, готовы строить и участвовать в общественной жизни. Учителя – новые люди, сильно рискующие жизнью. В посёлке Чабановка школа возникла стихийно – кратно увеличилось население за счёт бежавших из северодонецкой агломерации, встал вопрос обучения. Люди самоорганизовались, стали работать без всякой зарплаты. К моменту нашего знакомства директор школы Людмила, бывшая до войны бухгалтером, собирала, где могла, любые канцтовары. В декабре уже принимала в тёплом, застеклённом и отчасти оборудованном нами здании съёмочную группу ТВ, а доброволец Серёга устанавливал газоанализаторы к купленному за свои деньги дымоходу. «Вот, всё у вас сбылось, – говорю, – даже официальный статус наконец-то продавили». «Не знаю даже, что чувствовать, – отвечает она. – Всего так много за последнее время случилось. И страшного, и трогательного. Открыла для себя – оказывается, в мире столько хорошего. Раньше не замечала. Маленькие радости. Вот ребёнок улыбнулся – как же хорошо! Куртку теплую добыла. Вкусненькое что-то. Игрушку. Кастрюлю. Настенные часы. Вот кто-то поприветствовал тепло или пошутил. Кто-то помог. Всё это стало таким важным! А ведь сколько добрых людей вокруг, раньше и не думала. Ведь собрались и сделали».

Добрых людей вокруг действительно много. Часто я слышу здесь, что война высветила в людях кто есть кто. Мы видим случаи беспримерного гражданского подвига. Немолодая Ирина из Северодонца спустила в подвал пятерых лежачих стариков своего дома, они пережили штурм, мы поставили их под опеку, двое больных, к сожалению, недавно умерли, двоих отправили к родственникам. Кто-то собрал вокруг себя бездомных собак, у кого-то более сотни кошек. Казалось бы, каждый из нас подумает – тоже так смог бы. Нужно понимать – люди здесь больше не имеют накоплений, запасов, предсказуемого дохода, бытовых условий. Их день – борьба за жизнь в этот день. Единожды все получили десять тысяч рублей. Дальше ничего. Потихоньку внедряются пенсии по возрасту, минималка. Цены как в Москве. Документы есть не у всех. Пенсионерка Татьяна, бывший социальный работник, без всякой зарплаты ходит по своим довоенным подопечным района РТИ Лисичанска, самостоятельно добывая для них гуманитарку и лекарства.

«Сладкого бы чего-нибудь – говорит она. – Положите вместо круп в продуктовый набор сгущёнку или конфет или шоколадку, знаете, как они будут рады! Истосковались тут все». Храм в Лесной Даче пригорода Северодонецка забрал к себе с наступлением холодов два десятка лежачих больных. Собираются взять ещё. Монастырь на Белой Горе кормит и одевает нуждающихся. Мы помогаем всем им чем можем.

Вообще религиозные учреждения сейчас играют здесь особую роль. Мы передаём им товары оптом, и взрослое, и детское, продукты, печки, лекарства, – они знают свою паству и распределяют ценное точнее. «Напишите на листочке имена ваших детей, мы будем за них и вас молиться», – говорит отец Сергей из Сиротино. «Да некрещёные они, отец». – «Ничего, у Бога чужих нет. Вы и есть истинные христиане. Мы будем молиться». Люди объединяются вокруг храмов. Уверен, не ради благ. Вокруг катастрофа. Не покидает ощущение, что местным осталось надеяться только на Бога. Если честно, после первого знакомства с местностью меня накрыло чувство безысходности. Насмотревшись мрачных картин и наслушавшись за день людей, не раз останавливал машину, долго стоял на месте, пытаюсь сложить всё в голове. Не складывается. Что же мы будем со всем этим делать, как поднимать? А как быть этим людям?

Помимо православных храмов, без всяких колебаний я отгружал товары «Свидетелям Иеговы» на Стекольном, анабаптистам в Тошковку, синкретистам «Благодати» в Лисичанск и адвентистам в Северодонецке. «Вас кто-то прислал к нам?» – настороженно спрашивают в одном из мест. «Думаю, Бог». Они делают то же, что и мы. Всё это подвижники. Вне всяких сомнений. А моё служение само по себе похоже на карго-культ. Я пишу свои просьбы в безликий чат: «нужна тёплая одежда на большие размеры», «генератор 12 В», «побольше взрослых памперсов», «бетаметазон или аналоги», «ходунки детские», «мочевой катетер», «МФУ для Чабановской школы». И каким-то образом через короткое время из Ростова уже едут ходунки, генератор, взрослые памперсы и всё остальное. Не знаю, как точно создана эта система. Ребята расшаривают по своим страницам, равнодушные люди покупают и присылают конкретные вещи. Есть производители и торговцы, готовые безвозмездно поставлять что-то в любых количествах. Есть безликие спонсоры и те, кому нужен пиар. Что-то консолидируется в фонд. Что-то привлекает Захар. Юра тратит свои. Волонтёры и энтузиасты тоже не остаются в стороне. Иногда вещи специфичны, при этом неподъемны для частника, создаётся обсуждение по конкретной проблеме, задача так или иначе решается коллективно. Всё это работает исключительно на энтузиазме. Даже странно. Я отправляю мольбы русскому народу и всё получаю, потому что очень надо. Получается, мой народ – Бог.

Добровольцы – подвижники. Они приезжают на свои деньги и не получают платы. С чистыми помыслами и любовью делают всё, что нужно, и даже с верхом. Уезжая, часто оставляют кто две тысячи, кто пять. Деньги тратить тут абсолютно некуда – развлечений нет, связь плохая, комендантский час, сухой закон – считай, монастырь. Эти лишние деньги тоже тратятся на добрые дела – стеклопакеты, срочные лекарства, покупки конкретных товаров или услуг нуждающимся. Общество, близкое к идеальному. У нас похожие ценности и мировоззрение – ничего не нужно объяснять, мы понимаем друг друга и так. На каждого могу положиться. Нет пустых болтунов. Состоявшиеся в жизни или начинающие, все – люди деяния. Тот, кто собрался и поехал

в неизвестность. Кто не смог быть равнодушными. Айтишники, врачи, бухгалтера, экспедиторы, бизнесмены, ветераны, пенсионеры и студенты. Миша, ветеран Афгана, приехал на своём авто из-под Мурманска. Дмитрий с женой, владельцы частной клиники, из Екатеринбурга. Конечно, и без Таганрога никак. Листаю свои фото – Аня из Нижнего передаёт что-то инвалиду-колясочнику, катившему мимо. Просто не смогла проехать. Закат, лучшее время для съёмки – тёплые тона побитой улицы, контрастные тени, микеланджеловское касание пальцев. На лицо колясочника нисходит свет, искря взгляд и вычерчивая внешность. И вдруг я понимаю, что это не только солнце, она, Аня, – тоже свет, без которого не блеснул бы этот взгляд случайного человека, не исходило бы от фото такое тепло. Каждый вечер мы устраиваемся за своим длинным столом, чтоб, в прямом смысле, преломить хлеб, планируя завтрашний день. Наступает утро, пары экипажей разъезжаются. Впереди кварталы многоэтажек с пустыми глазницами и посёлки, которых нет. Там тоже должны быть люди. Устиновка, Чихирово, Новотошковское. «Есть кто живой? Люди есть?» – кричал я в руины и темноту погребов. Деревни стёрты с лица земли, население вроде бы покинуло их, но смотришь – там пасётся коза, там лает собака. Кажется, никого. Но находится, наконец, испуганная старушка, успокаиваешь, даёшь продукты, свечи, каких-то лекарств. И вот появляется у калитки ещё старичок, потом ещё семья неопределённого возраста, ещё кто-то. Как они продержались здесь? В какой щели, в какой лазейке пережили? Просто поразительно, как уцелевает и прорастает вновь жизнь в самых невозможных условиях. И так везде. Смотришь, руины. Но где трое, где и двадцать человек. Невольно задумываешься о непобедимости жизни. Ставим на карандаш, будем заезжать, может, соберём и на генератор.

Неужели мародёрят, спрашиваю. Да, говорят. Ездят тут всякие. Случается и произвол, напоминающий наши 90-е. Пользуясь безвластием, бандитствующие пытаются отжимать оборудование или собственность. Военные и комендатура вмешиваются при обращении, но предотвратит не могут. Как ни больно это говорить, на многие километры здесь «Дикий Запад», где у кого сила, у того и власть, отсутствие государственных функций и страх с наступлением темноты. Вакуум твёрдой власти.

К кадровым российским военным нет претензий. Напротив, именно они первые исполняют роль гумвойск, сразу лечат, кормят, одевают, если надо эвакуируют. Раненых и больных на броне отправляют в госпиталь, где теми занимаются, невзирая на наличие документов. В гражданскую больницу здесь попасть очень трудно. Где стоит армия – население всегда накормлено, утеплено и подлечено. Но армия уходит вперёд. И если с системным мародёрством вроде бы покончено, то государственная структура выстраивается на прифронтовых территориях не быстро. Долго ещё людям приходится рассчитывать только на себя. Тут понимаешь настоящую роль волонтерства. Это не только накормить и утеплить. Люди получают внимание. Мы возвращаем их к себе. Пытаемся решить каждую конкретную просьбу. Люди не чувствуют себя брошенными, обманутыми, преданными.

«Затянуло тебя, брат, трудно будет вернуться», – заметил кто-то из наших. Странное дело. Я осознал вдруг, что содержание жизни стало абсолютно иным, нежели пару месяцев назад. Люди, их беды, чувства, тихие радости, конкретные задачи, многие из которых определяют чью-то жизнь или судьбу. Человеческие истории – страшные и сентиментальные.

Люди, их лица и голоса. Они приходят и уходят – радостные и несчастные. Иногда звонят, если позволяет связь. Бывает, напрягаешься, вслушиваясь в обрывки слов, пытаешься уловить главное, спрашиваю, скажите, мол, по слогам, что вам надо. Благодарим, спасибо вам, слышится в ответ. Стал замечать случайные слёзы. И собственные, и чужие. Сначала смущался, но однажды видел, как шмыгает носом суровый командир. Многие события проносятся так быстро, что не успеваешь и рассмотреть, но сейчас понимаю – никогда не чувствовал себя настолько живым. Прошлое стало казаться далёким воспоминанием. Нет мотивов держаться за него. Реальность превратилась в сетку решаемых задач, пропал привычный счёт времени. Затянуло.

У меня были тетради и ноутбук, надеялся писать если и не художественные черновики, то хотя бы заметки об увиденном. Однако оказалось столько работы, что к ночи с трудом добирался до койки и открывал глаза, когда слышал шаги проснувшихся. Не было сил на творческие муки и даже перелистывание новостей. Не знал, что отдали Херсон, пока кто-то случайно не сказал. Один звонок в день – единственное, что связывало с прежней жизнью. В миру у меня небольшая логистическая фирма, я хорошо управляюсь с людьми. Здесь попал в свою стихию – хаос товаров и заявок превращать в цепочки доставок, систематизировать задачи, заявки, маршрутные задания, упорядочивать склад, обслуживать машины. В общем, пытался делать, что умею, старался делать хорошо. Получилось не всё, но упрекать себя почти не в чем. Вроде бы оказался в нужное время в нужном месте. Но всё же есть досада, что много времени ушло на рутину, а вокруг настоящая, прекрасная и беспощадная жизнь во всей её полноте, на максимальной яркости. Человеческие чувства и горести, мощь и хрупкость, евангельское человеколюбие и чистое зло. Такого нигде больше не увидишь, таким не надышишься.

До поездки я с некоторым недоверием относился к аксиомам наших СМИ, вроде «ВСУ умышленно бомбит свои города» или «расстреливают мирных». Но раз за разом люди рассказывают одни и те же истории. «Вот, поставили арту в этих ангарах, заняли мой дом и двор, – поясняет предприниматель Огурчик из Вороново, – русские наступали только. Так вот, арту развернули и давай долбить Северодонецк. Я знакомым звоню, спрашиваю – прилетает? Они – ещё как. Из моего двора, говорю. А они – не может быть. Вот так-то». В это трудно поверить. Не укладывается в голове. Зачем? Весь Северодонецк подтверждает, что как только возникла угроза отступления, ВСУ стали лютовать по отношению к жителям. Расстреливали не глядя. Уходя, давили машины, которые не могли забрать, валили дома и жахали из танков по пятиэтажкам. Встречал женщину, ранее симпатизировавшую Украине, муж которой не пережил, что защитники разнесли их квартиру, прихватило сердце. Когда ВСУ отступили в Лисичанск, возвышающийся над Северодонецком, начался суший ад. Ровняли город наобум. Националистам есть за что ненавидеть город, эти годы все за глаза называли его «Сепародонецк» – в 2014-м здесь была самая высокая явка на референдум по отделению. Как понимаю, отступая, ВСУ считает территорию потерянной для себя, а оставшихся людей врагами (их называют «ждуны»). И досада их настолько велика, что стараются превратить утерянное в пыль. Жизнь оставшихся их не интересует.

Более того, мне кажется, что тут кто-то получал удовольствие от убийств. Многие проукраинцы сменили свои убеждения, увидев воо-

чию действия захисников. Доводы «я за вас, хлопцы, за Украину» не действенны. Остался – значит, предатель. Ставлю буржуйку старикам-заукраинцам – разговаривают со мной на более-менее понятном полтавском диалекте. Охают, признаваясь в симпатиях, но и жалуясь на прежних своих кумиров – солдаты, занимавшие их жильё, уходя, расстреляли квартиру – батареи, мебель, стёкла. Заявили: «Мы вас пожалеем, но скоро всё равно сдохнете, попомните ещё». Такая вот снисходительная жалость. Но повезло не всем. Что-то тут произошло – какой-то сбой развития цивилизации, какой-то дефект в эволюции человека. Будто что-то потустороннее вырвалось вовне. Жуткое перекопанное кладбище в Боровском, являвшееся опорным пунктом, – окопы, прибитые украшенные черепа, разложенные кости. Коллективные захоронения. Недалеко АЗС Укрнафта с надписью «Правый сектор» – в резервуарах казнённые мужчины с пакетами на голове (их трудно извлечь, давно б уже захоронили). Жители этой округи как один повторяют историю – ещё за два года до войны их посёлки и окружающий лес дважды умышленно поджигали. Ну ладно, говорю, бывает. Безумец какой-нибудь или экономические интересы. Нет, говорят мне, ты не понял – нарочно поджигали и закрывали блокпостами въезды и выезды, чтоб мы сгорели. «Правый сектор». Не может быть, говорю. Мотива нет. Но раз за разом люди повторяют эту историю. Не знаю, что и думать. «Это чистое зло. Оно здесь на свободе. Поверь, Женя, не все мыслят как ты», – говорит Сид, легендарный нацбол, повидавший в своё время всякое. Сегодня он волонтер, тоже не смог оставаться дома. Основание деятельности любой насильственной идеологии, говорит он, не постулаты идеологии, а склонность к насилию. По сути, садистский мотив. Вот, к примеру, русский вполне может боготворить Гитлера невзирая на то что собственная семья менее века назад пострадала от расизма. Тезиса «он был за чистоту белой расы» достаточно, чтобы оправдывать свою склонность к насилию. Остальное для адепта неважно. Власть над чьей-то жизнью, истязание и убийство – одно из самых сильных возможных переживаний психики. Вспомним, иногда дети с упоением мучают насекомых. Если такое не остановить, формируется потребность в своеобразном удовольствии. Момент всевластия. Найти подходящую идею недолго. Указание на приемлемую жертву и легитимизация насилия – большего не надо, поклонники найдутся. Украина создала такую идеологию. Россия, русские – и не люди вовсе, орки, подлежащие уничтожению. Любое насилие законно.

Вот кто-то скажет, что я тенденциозен. Скажу – да. Пусть я и мои дети не идеальны, пусть моя картина мира не совпадает с чьей-то, но я не считаю себя подлежащим уничтожению на этом основании. Меня, моих детей и сограждан считают недочеловеками, ошибкой, которую следует стереть. Украина создала систему, где человеконенавистничество является нормой. Баловство это всё, скажет кто-то, не обращай внимания, везде есть плохие люди, маргиналы, националисты. Нет. Это стало системой. Невозможно представить, чтоб у нас кто-либо призывал уничтожать финнов и их детей или, к слову, евреев на основании принадлежности к национальности, языку или государству. По крайней мере такие призывы наказуемы. Здесь безнаказанны, а то и поощряемы даже действия. Хочу, чтобы все читающие этот текст осознали угрозу – вас расчеловечили, вас приговорили. Убеждения и симпатии не имеют значения. Русские как национальность и как система межнационального сообщества приговорены к смерти. И под это дело вписались

серьёзные тяжеловесы. Вспомните западный мем «русские не улыбаются». Случайно ли многие десятилетия в содержание понятия «русский» вкладываются нечеловеческие черты? Типа есть люди, а есть «особенные», русские. Орки.

У населения, перешедшего под контроль России, вне зависимости от симпатий, проявляются некоторые абсурдные представления о России и русских. Например, сетуя на утрату имущества, всё же все удивлены, что орки не оказались паталогическими убийцами, а чеченцы никого не насилуют. Притом что у востока Украины сильные родственные связи с Россией, а многие мужчины ездили вахтовиками в Сибирь и на стройки в столицы, русская провинция представляется им тёмной ямой, в которой невозможны унитаз и интернет. Почти все убеждены, что русские очень ленивы, к тому же алкоголики, а нация вырождается. Слышал мнение, что мы захватываем Украину ради генофонда, сами уже рожать не можем. Также однажды собеседник апеллировал мне аргументом, что, мол, я не могу свободно говорить даже здесь с ним, потому что якобы боюсь последствий, ведь у нас царит тотальная диктатура, люди пропадают без суда и следствия, а меня всегда гложет страх.

Но даже оставаясь убеждёнными в своих иллюзиях, иногда обидных, иногда и возвышенных, абсолютное большинство населения желает прочного мира под русским флагом. «Правда вы нас не бросите?» – самый болезненный вопрос здесь. У всех перед глазами истории беженцев из Изюма, Лимана, Купянска. В некоторых посёлках они сейчас составляют до половины населения. Известия, которые они получили от оставшихся земляков, посеяли страх. Там произошло что-то ужасное. Даже геноцидом это назвать неправильно, потому что под угрозой все, невзирая на национальность и убеждения. Жители зажиточного, по современным реалиям, п. г. т. Новоайдар, у каждого из которых есть близкие, которые воюют на противоположной стороне (много лет дислоцировался большой гарнизон), уверяют: «Бог с ним, что у вас, россиян, невкусная еда, что нет газа и дикие цены, но только давайте уже навсегда. Наши нам не простят». В общем, как бы грустно ни звучало, стопроцентную поддержку России обеспечила здесь украинская армия.

Противник противостоит нам очень серьёзный. Враг всё видит и бьёт очень точно. По нашему посёлку прилетало трижды. Логика этих ударов мне не очень понятна, но бесспорно – куда целились, туда и попадали. Конечно, не говорю об этом жене. «Что это у тебя там стучит?» – спрашивает иногда. «Ветки по кузову бьют, ничего особенного». Когда «ветки стучат» особенно сильно, я и не беру трубку. Любимая сердится, конечно, но уже не требует, чтоб немедленно вернулся, не ругается, не плачет в трубку. Однажды тихо выдохнула: «Признайся, у тебя кто-то там есть?» Кажется, пора возвращаться.

Серебристый самолёт уносит домой. Вдруг обнаруживаю себя в мире, от которого успел отвыкнуть. Всё застыло на месте, ничего не происходит. А кажется, должно быть иным, ведь столько времени прошло, столько всего случилось. Но нет. Недельный цикл примерно одинакового набора событий и новостей. Всё размеренно, всё очень серьёзно. Проблемы и цели здесь очень сложны, теряются где-то вдали. При этом плоски, будто двухмерны. И понимаешь, что вообще-то, наверное, так и должно быть. Как иначе обеспечить неизменность мира, его основательность? И снова дети в счастливом угаре виснут на руках, заказчики тревожно осведомляются о возможных повышениях цен, сотрудники дисциплинированно выходят на линию, чтоб превращать

своё время в мои цифры. Жена, бывает, перехватывает взгляд, спрашивает, опять, мол, задумался о чём-то? Наверное, чувствует. Может, знает, когда закрываю глаза рядом с ней, в мой сон вливается свинцовая тяжесть Северского Донца. Двигутся тёмные воды, плыву среди песчаных берегов и обструганных сосен, взбираюсь на понтон переправы и дальше по битому асфальту, по всем своим местам, от самой Камышевахы до Кременной. Лица мелькают, не всех узнаю. Вижу себя снова на своём месте. Ожидающие глаза ребят-волонтёров. Все молчат, наверное, какой-то сложный вопрос, ждут моего решения. Сон обрывается в небытие, теряется знание, что же такое важное нужно было решить. Каждую ночь. Эти яркие образы могут показаться художественным вымыслом, но как есть – все сны до сих пор происходят там. Никуда я не уехал. Наяву день проходит в обычных заботах, но то и дело рука тянется к смартфону – просмотреть рабочий чат, узнать, что требуется на базе, пролистать самые свежие новости с фронта, попереживать за ребят. Рядом декабрь стремительно несётся к новогодней кульминации. То тут, то там бахает пьяная петарда. Непроизвольно фиксируешь выход. Конечно, петарда. Чему же ещё здесь бахать? Ясное дело. Петарда. Наверное. Скорее всего. Листаю отчётные чаты группы, тихо завидую – ребята в облике Дедов Морозов и Снегурок объезжают всех детей, которых смогли найти. Абсолютно всех. Детишки, написавшие заранее письмо, получают мечтаемое, вне зависимости от цены. Сам подкидываю деньги. Есть тяжёлые просьбы. «Чтоб наступил мир, дали воду и свет и чтоб ко мне приехал мой племянник и старшая сестра потому что уже год...», «мне уже 11, я конечно не ребёнок, но хочу попросить...», «хочу большую игрушку и верни папу». Трудно спокойно читать эти неровные буквы. Вот уже на столе оливье и вино, но тем сильнее мысль о том, каково там. Новый год взрывается фейерверками, а в голове лишь: «Господи, как же похоже на Кременную, как же похоже, а ведь небось там сейчас так же кроют». Наступают дни, похожие один на другой. Кажется даже, всё это один день. Но однажды раздаётся звонок: «Можешь приехать? Очень нужен». Ничего не обещаю. Трудно снова надолго оставить всё. Родители, фирма, сотрудники и их семьи. И свои же дети. А с любимой даже страшно вопрос поднимать. Она что-то чувствует, держится настороженно на каждую новость. Вот и сейчас. «Ты же больше не поедешь туда, правда?» Смотрит не отрываясь. Ждёт ответа. Не знает, что я уже купил билет.